

Автор благодарит сайт <http://it2b.ru/> за предоставленные материалы по конкурентной разведке; а также Евгения Ющука, члена Международного общества профессионалов конкурентной разведки SCIP, автора книги «Конкурентная разведка», — за консультации.

ЧАСТЬ I

Глава 1

...В воздухе неуловимо пахло весной. Она любила гулять в этот предвечерний час, когда фонари призрачны в сиянии заката. В такие минуты, на стыке дня и ночи, ей отчего-то становилось радостно и немного тревожно. Казалось, что все впереди...

Хотя, что может быть впереди, когда все ее желания уже исполнились?..

Сегодня ей выпал особый подарок: приползла неуклюжая серая туча, и из нее повалились огромные белые хлопья, покрывая уличный шум своим беззвучием. Фонари светились словно через кисею, и Вике казалось, что сейчас нежно вступит оркестр, заиграет увертюру, кружевной занавес разомкнется, и за ним обнаружится новая, иная, восхитительная жизнь...

А потом она стояла в прихожей, и мех ее шубки был мокрым от снега и от слез.

...Теперь уже не вспомнить, почему они застыли в прихожей. Кажется, она удивилась, что муж оказался дома так рано. А он ответил, что

пришел специально, чтобы поговорить о важном. И она потребовала сказать «важное» немедленно.

Немедленно!!!

...Огненное атомное облако накрыло ее с головой: волосы горели, кожа плавилась, и радиация иссушила костный мозг. Она стала обугленным трупом за первые полчаса разговора.

А он старался быть непринужденным, ее ободрял:

— Это не конец жизни, Вика, ты найдешь себе другого мужчину, ты красивая и молодая, тебе всего тридцать пять, а я для тебя уже стар, я не соответствую тебе... Ну, не плачь, Вика, я оставлю тебе деньги, переведу на тебя все имущество в Москве, не плачь! Сейчас в тебе говорит задетое самолюбие, а на самом деле не так уж ты меня любила, чтоб убиваться теперь... Ты это поймешь скоро сама, вот увидишь!

— Что в ней такого, чего нет у меня?!

— Ничего.

— Но ты уходишь от меня — к ней!!! Она красивее?

— Нет.

— Моложе?

— Старше. Вик, давай ты успокоишься, и мы тогда поговорим.

— Так чем же она тогда лучше меня, чем?!

...Они почему-то так и стояли в прихожей, — теперь уже не вспомнить почему.

Она рыдала, она била его кулачками в грудь,

приникала к нему с солеными поцелуями в надежде ощутить привычный отклик его тела... Все напрасно. Насильно усадив ее на кухне, он занял табурет по другую сторону стола — *стола переговоров* — и объяснил все до странности обычными словами:

— Мне с ней легче. Проще. Я виноват перед тобой, не надо было мне жениться на столь молодой женщине... Я устал тебе соответствовать, Вика, просто устал! Мне пятьдесят четыре, я много работал, я многого добился, я старался быть тебе хорошим мужем и любовником, но я устал, Вика... И хочу отдохнуть. Учитывая, что моложе я уже не стану, то вряд ли это желание переменится.

— А я?! Ты отдыхать, а я как же?!

Они так давно были женаты, что Вика теперь не понимала, как можно существовать без него, без Миши. Он все знал и умел. А она — ничего. Комнатный капризный цветок, живущий в изнеженном климате его опеки. И теперь какая-то сила распахнула окна на мороз, ледяной ветер мгновенно выдул парниковый воздух, и она дрожала, отчаянно ловя последние, утекающие, тонюсенькие струйки тепла... Она была уверена, что не выживет, умрет.

— Вика, перестань драматизировать. У тебя будут деньги, а это самое главное. Неужто ты не знаешь, как в магазин съездить за продуктами? Или за шмотками? Не глупи, ты прекрасно справишься без меня, ты уже большая девочка...

— Ты ее любишь?.. — спросила она с тоской.

— Да.

Новый приступ слез лишил ее возможности говорить, а он ждал, терпеливо и даже сочувственно переждал этот приступ, и краем сознания Вика оценила его жест: в иные времена Миша уже бы давно хлопнул дверью. Он не выносил ее слез.

— И что, ты хочешь *развестись со мной*?!

— Видишь ли... Дженнифер американка. Мы хотим купить дом в Калифорнии и наслаждаться там покоем и нашей любовью. Для этого мы должны пожениться, и без развода с тобой не обойтись. Не беспокойся, тебе ничего не придется делать, я сам все оформлю!

И, запеленговав подступающий очередной приступ плача, проговорил с напористой жизнерадостностью:

— Ты не страдаешь финансово, Вика, не волнуйся, я обо всем позабочусь!!!

Но как мог он позаботиться, уехав на другой континент?! И разве проблемы бывают только финансовыми?!

Сразу, словно в знак протеста, захандрила машина, ее красавица «Лагуна». Вика знала, куда обращаться: они с Мишей ездили на двух машинах в этот автосервис, когда требовалось пройти техосмотр. Она даже знала там некоего Жору, к которому кое-как и доползла на закапризничавшей «лагунке».

Жора покопался в машине, и по его просто-душно-хитрому лицу Вика обреченно поняла, что он ее надует. Но, поскольку она не имела ни малейшего понятия, в чем состояла реальная причина неисправности, ей пришлось заплатить, не перечая, восемьсот сорок шесть долларов: работа, плюс замена деталей, плюс надбавка за срочность.

Жора любил некруглые цифры — считал, что они вызывают больше доверия, — и при этом никогда не брал «на чай». Он был немелочен, Жора. Да и к чему мелочиться, когда из восьмисот с чем-то долларов семьсот и так были ему и на чай, и на пиво, и на прочие земные блага?

Домой Вике предстояло возвращаться без машины, оставшейся в автосервисе до завтра. Но как? На метро? Она совершенно забыла, когда ездила в метро последний раз. Оно пугало ее. Ей почему-то казалось, что она непременно упадет на эскалаторе. Что она свалится с платформы на рельсы. Что ее прищемят двери вагона.

Такси, однако, на горизонте не наблюдалось. Вика решила взять извозчика, выбросила руку вперед. Первыми притормозили такие непотребные «Жигули», что она отказалась в них садиться. Во второй машине, «Волге», имелось два усатых и смуглых лица, что окончательно расхолодило ее намерение прибегнуть к услугам частного извоза.

Отважившись, она направилась к метро, не-

привычно цокая каблучками об асфальт, почему-то оказавшийся слишком твердым, — и едва не подвернула ногу на первой же выбоине. М-да, это вам не выпархивать из машины прямо перед нужной дверью...

Дальше она шла, опустив очи долу, тщательно переступая и обходя каждую трещину и дыру в тротуаре, а было их великое множество...

В метро все прошло, по счастью, благополучно: она не скатилась с эскалатора, не упала на рельсы, и ее не прищемило дверью. Но вот зато по прибытии на станцию «Сокол» она пошла не к тому выходу, была вынуждена вернуться, снова пройти подземный коридор, подняться по лестнице и...

И здесь каблук сломался. Не выдержал такого издевательства. Вика, чуть не плача, разглядывала зажатый в руке каблук и решительно не знала, что ей делать. Прохожие смотрели насмешливо, лишь изредка попадались сочувственные взгляды.

А чего, собственно, она хочет от них? Не понесут же ее на руках до дома?!

Делать было нечего. Припадая на одну ногу, она потащилась в сторону дома. Недалеко от ворот ограды, окружавшей ее высотку, она увидела бомжей, расположившихся на газоне за мусорными баками: двоих мужчин и одну женщину. Она их видела не раз, из окна своей золотистой, как стрекозка, «лагуночки». Это зрели-

ще всегда отзывалось в ней состраданием, и она обычно проезжала побыстрее, не глядя на них: ничем не помочь, только сопли разводить...

Но сейчас она шла пешком, медленно, слишком медленно, припадая на бескаблучную ногу, и краем глаза оценила ситуацию. Теперь, в начале лета, она не казалась столь критически сострадательной. На газете перед бомжами находилась какая-то еда, и они ели, весьма оживленно разговаривая и посмеиваясь. Казалось, они чувствовали себя совершенно комфортно, словно устроили пикник.

Вика чуть внимательнее посмотрела на них, и вдруг до нее дошло, отчего бомжи так веселы: они потешались над ней!

Она вдруг разозлилась. Развернулась к ним всем корпусом, и, выставив руку с зажатым в ней каблуком, крикнула с вызовом:

— Что, у вас каблуки никогда не ломались, да?!

...Большей глупости и придумать было нельзя! Ну какие у бомжей каблуки, помилуйте?! Они, конечно же, покатались со смеху. Женщина так просто завалилась на спину. Один мужчина ухватился за живот; второй, бородатый, с наглой усмешкой уставился ей прямо в глаза.

Вика, полная негодования, гордо похромала дальше. В спину ей уперся голос:

— Мамзель, если хошь, за десятку донесу тебя до дома!

Она скосила глаза. Голос принадлежал муж-

чине, заросшему чуть не до глаз черной бородой, которого она немедленно окрестила Лешим. У него были подозрительно веселые, бесшабашные глаза. Наверное, уже уговорил бутылку с какой-нибудь бормотухой, и теперь ему и море по колено.

Вика отвернулась. Только еще услуг бомжа не хватало!

Уже в своей квартире, в безопасности, в чудесной защищенности от внешнего неприветливого мира, в квартире, где шкаф битком набит обувью любой конфигурации для всех случаев жизни, в том числе и на низком каблуке, который не рискует отвалиться от соприкосновения с грубым московским асфальтом, — вот там, упавши на шелковое покрывало кровати, она разрыдалась. Жизнь унижала ее. Ее, предательски оставленную мужем, брошенную на произвол жестокой судьбы, без его ежесекундной опеки!

Глава 2

Впрочем, на следующий день жизнь показалась не такой уж и страшной. Вика даже ухитрилась, надев подходящие для такого мероприятия туфли, вполне благополучно доехать до автосервиса на метро. Забрав свою «лагуночку», она с удовольствием опустилась на комфортное водительское кресло и почувствовала себя почти счастливой.

Однако вскоре она допустила новую оплош-

ность. Домашние запасы поистощились, и она отправилась в любимившийся ей «Ашан» на Ленинградке. Накупив уйму всяких нужных и ненужных продуктов и вещей, она, нисколько не задумавшись, перегрузила пакеты из тележки супермаркета в багажник. И лишь подъехав к дому, вдруг озадачилась: а как же из багажника донести все это до лифта? А из лифта — в квартиру? Ведь пакетов много! И они тя-же-лы-е!!!

Хлопнув крышкой багажника, столь опрометчиво забитого покупками, она уселась в машину и задумалась. Допустим, она понесет тяжелые пакеты сама. Но как быть: оставить машину открытой, напротив подъезда, пока она не перетащит партиями все сумки? Или закрывать ее каждый раз? Значит, поставить сумки на землю, на грязный асфальт, захлопнуть багажник, щелкнуть замком, потом снова взять сумки и принести их, испачканные, домой?.. Потом опять спуститься, и все сначала?! Кроме того, она надолго перекроет таким образом проезжую часть перед домом и рискует собрать за своей машиной раздраженный хвост соседей...

Она кляла себя за неосмотрительность, за привычку покупать с Мишей сразу и помногу: все эти упаковки воды, с газом и без газа, молоко, соки, овощи, мясо... Без Миши-то она ест как птичка. На кой же черт она столько накупила?

Промучилась Вика без малого двадцать минут в раздумьях: нельзя ли попросить кого из соседей ей помочь? И, придя к неутешительно-

му выводу, что это неудобно, она снова завела свою «лагуночку». Выкатив за ворота, она встала вровень с помойкой. Бомжи были на месте.

— Эй! — позвала она в окно. — Эй!

Они разом глянули на нее. Сегодня их было только двое — двое мужчин. Вика уперлась глазами в Лешего.

— Заработать хотите? Мне нужна небольшая помощь...

Леший посмотрел на нее удивленно, но глаза его смеялись. Над ней — кто бы сомневался!

Она сразу же пожалела о своей инициативе. Но Леший уже поднялся и лениво направился к ее машине.

— Ну? Че надо сделать?

— Сумки... — пробормотала она. — Донести надо...

— Сколько?

— Сумок? Я не считала...

— Рублей.

— Не знаю... Сто пойдет?

Леший кивнул, и Вика, проклиная все на свете, показала ему жестом: мол, садитесь в машину.

Но он отказался. Наверное, в нем все же была некоторая деликатность. Вика с ужасом представила, что сейчас этот грязный, дурно пахнущий человек плюхнет из-за ее глупости на соседнее сиденье...

Но он не плюхнулся. Он сказал, что дойдет до ее подъезда пешком.

Остальная часть этой затеи закончилась впол-

не благополучно: Леший в три приема перенес все упаковки и пакеты к двери ее квартиры, пока Вика дежурила у открытой «лагуночки», и, получив свои сто рублей, кивнул лохматой головой да был таков.

Как ни странно, но жизнь вскоре наладилась. Вика стала предусмотрительнее, непомерных закупок больше не делала, лишь еще раз воспользовалась помощью Лешего, но потом окончательно научилась покупать только необходимое и только посильными для ее нежной мускулатуры партиями.

Что ж, в конечном итоге муж не обманул ее. Более того, он оказался прав: видимо, не так уж она его и любила, как ей казалось... Месяца через два обида отпустила ее, а через три она уже всю наслаждалась жизнью. Она была молода и богата и главное — свободна!

Теперь мужчины, издавна крутившиеся в орбите Мишиной бизнес-планеты, стали смотреть на нее иначе. Их взгляды приобрели откровенный аппетит, речи — шампанскую игривость, а поведение — почти рыцарскую учтивость. Все дружно выражали готовность помочь решить проблемы и скрасить одиночество. Приглашения разного рода — от интимного ужина при свечах до крупного корпоративного праздника — сыпались, как из ящика Пандоры. Вика даже не подозревала, что так нравится всем этим давно знакомым мужчинам! При Мише они ни-

когда не выказывали своего интереса... Ну, это понятно, в общем-то.

Что ж, тем лучше! Вернулись забытые ощущения двадцатилетней поры: бравурный парад восхищенных поклонников в ожидании ее благосклонного знака, и она, как принцесса на троне, капризно выбирает, кому из них стать счастливым, который не замедлит упасть к ее ногам в немом экстазе благодарности за то, что избран.

Впрочем, она вполне неплохо понимала, что ее эйфория вызвана комплексом неполноценности, который посеял в ней развод. Ее променяли на другую!!! Женское самолюбие было уязвлено, и Вике сейчас требовались массивированные доказательства ее женских чар, способности обольщать, сводить с ума...

И она их имела в избытке.

Но эйфория закончилась быстро. Вика с удивлением обнаружила, что отнюдь не возраст делает человека мудрее, а только исключительно опыт. В свои тридцать пять она имела опыт отношений с мужчинами на уровне двадцатилетней девочки, по той простой причине, что с выходом замуж опыт сей был законсервирован.

Отчего до нее дошло не сразу, но все же дошло: восхищенные поклонники куда больше интересовались ее роскошными апартаментами и прочими материальными благами, чем милым личиком и стройной фигуркой. Не говоря уж о

сокровищах ее души, даже она не была столь наивна, чтобы поверить в мужской интерес к такой несексуальной категории, как душа.

Нормальные же мужики отчего-то оказывались либо неудачниками, либо женатиками. На эти две категории ее нейроны и эрогенные зоны не отзывались. Замужество как статус ее не волновало, а романтическая любовь... Пока не получилось.

Ну и ладно. Вика ничуть не приуныла: оказавшись на свободе, она слишком бурно прожила череду скороспелых романов. Она их переела.

Посему, дав отставку поклонникам, она на некоторое время отказалась от выходов, предавшись блаженно-ленивому затворничеству. Это было совершенно новое, неизведанное удовольствие: *одиночество*. Конечно, Вика понимала: прелесть его заключалась в том, что оно *временное*, и по одному ее звонку найдутся люди, которые будут счастливы провести с ней вечер... Но пока она наслаждалась. У нее никогда еще не было в жизни настоящей возможности побыть с собой наедине: из родительского дома попала сразу в мужнин. И надо признать, что собственное общество Вике очень понравилось. Она даже договорилась с домработницей, что та будет приходить раз в неделю вместо трех, как раньше. Одиночество стало слишком ценным, чтобы его нарушал посторонний человек, а быт свелся к минимуму: обслуживать лично себя было легко и нехлопотно.

Вика проводила время за чтением книжек и просмотром любимых фильмов. И даже вытаскивала из сундука — настоящего старинного сундука, еще прабабушкиного! — откопав под любимыми с детства зайчиками и мишками, свой дневник.

О нет, никаких девических секретов в нем не содержалось. Там были всего лишь наброски: ее мысли и разрозненные красивые фразы, которыми она пыталась передать свои впечатления о природе или людях.

Вика уж лет пять как ничего в дневник не писала. Бог весть почему. А вот сейчас вдруг хлынули потоком разные слова — смешные, красивые, иногда неуклюжие, иногда парадоксальные, иногда очень точные... И ей доставляло удовольствие переключать их на бумагу, перечитывать, править: *«...В воздухе неуловимо пахло весной. Она любила гулять в этот предвечерний час, когда фонари призрачны в сиянии заката. В такие минуты, на стыке дня и ночи, ей отчего-то становилось радостно и немного тревожно. Казалось, что все впереди...»*

Это была ее первая запись спустя пять лет. К ней вскоре добавилось описание Лешего: *«У него были подозрительно веселые, бесшабашные глаза. Наверное, уже уговорил бутылку с какой-нибудь бормотухой, и теперь ему и море по колено».*

Дальше она нарисовала весьма ехидные словесные портреты своих недавних поклонников, их жен, их дочерей на выданье и их самовлюб-

ленных отпрысков — всю эту бизнес-шушеру, которая воспринимала саму себя с необычайной, патологической серьезностью.

Некоторое время спустя ей пришло в голову, что надо научиться работать на компьютере: в наше время уже не пишут от руки да на бумаге, в наше время идеи хранят на *электронных носителях*! Она тут же записалась на какие-то курсы для «чайников» и так увлеклась, что накупила еще кучу книг и читала их с неменьшим интересом, чем детективы, тут же выполняя у экрана все инструкции, открывая и закрывая окошки, переставляя куски текста, стирая их и восстанавливая... Через каких-то пару недель она настолько овладела компьютерной премудростью, что могла бы уже сама вести курсы для «чайников».

Компьютер, хорошее кино, ее литературные экзерсисы — все это было настоящим, неподдельным, сущностным. И ей казалось, что больше она никогда не вернется в круг этих людей, насколько богатый, настолько и убогий...

И все же она в своем отшельничестве потихоньку заскучала. И решила вернуться в свет. Пусть и убогий, но другого у нее просто не имелось. В конце концов, она еще страниц пять украсит своими саркастическими заметками!

Решить-то она решила... Однако вышел полный облом.

«Света» больше не существовало, по край-

ней мере для нее. Телефон, столь шумный, столь ее раздражавший совсем недавно, замолк. Умер. Скончался. Сдох.

Увлеченная своим временным отшельничеством, она неправильно истолковала его молчание. Она думала, что все любезно считались с ее желанием побыть в одиночестве.

Куда там! Она попыталась позвонить своим недавним поклонникам, но натолкнулась на прохладную реакцию и ссылки на занятость...

Наконец до Вики дошло, что ее просто-напросто вычеркнули из записных книжек! Мужской к себе интерес она сама перекрыла, как кран; в деловом же плане она не представляла для Мишиной тусовки никакого интереса... Она ведь теперь НИКТО! Мужнина жена, и та бывшая!..

Открытие ее никак не порадовало. Она даже поплакала дня три. А еще через неделю горьких и напряженных размышлений она пришла к решению. И оно сформировалось под боевые ноты «Интернационала»: кто был никем, тот станет всем!!!

А именно: Вика решила стать бизнес-дамой.

Глава 3

Вика совершенно не представляла, что оставил ей муж. Какие-то акции, какие-то паи, ценные бумаги, недвижимость... Все это было китайской грамотой. Кроме того, Миша перевел на нее свою долю — пятьдесят один процент —

в небольшой частной фирме. Вика посетила ее незадолго до его отъезда — муж представил новую владелицу, но чем там занимаются, она так и не поняла: тогда ей было без разницы, тогда она сгорала внутри атомного облака...

Кажется, это охранный фирма какая-то. Хотя никаких таких накаченных хлопцев она там не видела. Или охранники не должны быть накаченными? Или там вообще не охранники?

Она вдруг вспомнила, что муж оставил ей визитную карточку фирмы со словами: «Если будут трудности, звони туда. Леонид Ильич тебе поможет».

Хм, «Леонид Ильич»! Главное, легко запоминается... Она визитку поискала и нашла: фирма называлась... Нет, ну надо же, она называлась «Виктория»! И ниже мелким шрифтом: «Охрана вашего бизнеса».

Точно, там секьюрити работают! Телохрани-тели и фирмохранители!

Впрочем, какая ей разница? Главное, что это *фирма*, а фирмы занимаются бизнесом, а бизнес приносит доходы. И, с учетом ее пая, она имеет право сунуть нос и выяснить, насколько хорошо поставлено там дело и насколько надежны ее доходы! А то и поруководить...

Ей примечталась картинка: вот она в кабинете, и секретарша приносит ей бумаги на подпись... Подпись у Вики красивая, затейливая, хоть будет, кому показать!

...Никогда в жизни Вика не работала. Вышла за Мишу еще студенткой, а он уже тогда крепенько встал на ноги — ведь он куда старше! Вика была убеждена, что вышла за него по любви, и быстрота, с которой она перестрадала свой развод, ее неприятно удивляла.

Впрочем, они прожили вместе пятнадцать лет, а с тех пор любовь превратилась в привычку. Так всегда бывает, верно?

И вообще, что такое любовь?..

Копаться в себе не хотелось. В конце концов, он ее бросил, а не она его! Променил ее, молодую-красивую, на какую-то американку своего возраста, с которой ему приспичило отдыхать от трудов и от нее, от Вики!

Ну и пусть. Она в конечном итоге ничуть и не жалеет. И вообще, Миша прав: еще лет через десять он станет пожилым мужчиной, а она еще будет вполне свежей красавицей... Возможно, она бы тогда и сама от него ушла... Наверное, он это предвидел и решил расстаться с женой, чтобы оберечь себя от потрясений будущего!

Ну, конечно! Он прикинул все наперед и решил, что с ровесницей ему будет куда спокойнее. Она уж его точно не бросит. Будет кому стакан воды подать в старости. Он правильно рассудил, Миша!

И теперь, когда Вика сама себе хозяйка, ей хочется чем-то заняться. Чем-то дельным. Она, между прочим, в институте торговли училась.

Плохо училась, если честно, — трудно давалась ей наука коммерции, которую она от души ненавидела. Но время нынче такое, что надо в коммерции разбираться, а не в балете, вот она и пошла...

На самом деле все это неважно. Важно то, что у нее пятьдесят один процент. Она точно не знала, к чему прилагается этот процент: к деньгам? К акциям? Да какая разница! Значение имеет лишь то, что ее «кус» больше. У двух других пайщиков сорок девять процентов на двоих — значит, она главнее! Захочет вникать в дела фирмы — никто не посмеет ей перечить!

А хоть бы от скуки, она отчитываться никому не должна!

...И все же она робела. Сказались пятнадцать лет тепличной жизни, за которые ей не пришлось решать ни одной проблемы. Пятнадцать лет, в течение которых она существовала (без всякого самолюбия, вполне органично) как приложение к своему супругу. Оказываемое ей внимание Вика никогда не анализировала, и никогда не приходило ей в голову, что она лишь аксессуар при Мише...

А сейчас ей предстоит общаться с мужчинами, которые в бизнесе собаку съели. И которые, вне сомнения, посоветуют ей вернуться домой и вышивать крестиком.

Или у страха глаза велики? Или она зря боится?

— Не зря, Викуся... — произнесла ее подруга Ната, усвоив постановку вопроса. — Мужики все сволочи. Они с тобой разговаривают так, как будто ты им принесла справку из психдиспансера о том, что у тебя дисфункция головного мозга.

— Неужто все?!

— Исключения составляют столь ничтожно малое количество, что его можно не учитывать.

— Так что же делать?

— Бросить эту затею, — сурово ответила Ната.

— Я помру со скуки!

— Не помрешь. Поезжай в Европу. Или на курорты какие, я тебе хороший тур подберу. Лето на носу, сейчас только по магазинам бегать да купальники выбирать. А ты дурью маешься: бизнес тебе занадобился!

— Ната, мне тридцать пять. Если я еще с пятюток лет по магазинам прошляюсь да на пляжах проваляюсь, то у меня точно случится дисфункция мозга!

— Решай на пляжах «Судoku», очень тренирует интеллект.

— Слушай... — В голове Вики вдруг блеснула догадка. — Ты просто... Ты считаешь, что я не смогу, да? Что я изнеженная дурочка... Всю жизнь под крылышком мужа... Да?

Ната была самой настоящей бизнес-дамой: лет десять тому назад она вместе с компаньоном создала туристическое агентство, которое рас-

цветало из года в год под ее умелым руководством. Учительница математики, она страшно гордилась тем, что добилась всего сама, исключительно благодаря своему уму и организаторскому таланту. Ясно, что на Вику она смотрела снисходительно (или презрительно?), считая подругу недалекой, хоть и очаровательной иждивенкой...

Ната в ответ тонко улыбнулась:

— За дурочку, положим, я тебя не держу, но в бизнесе нужно иметь *знания* и *характер*. А у тебя, не обижайся, нет ни того, ни другого.

— Понятно.

Вика встала, давая понять, что дружеская беседа окончилась, и, холодно попрощавшись с подругой, ушла от нее злая-презлая.

«Характера у меня нет, ишь ты! — думала она, руля по Москве в сторону дома, на Сокол. — А у тебя он был, когда ты училкой в школе сидела да на директора мне жаловалась? И кто тебе посоветовал все бросить к чертям собачьим? Кто заставил тебя поверить, что с твоим умом и предприимчивостью ты вполне сумеешь заняться бизнесом? Да к тому же в тот удачный момент, когда рынок был еще относительно пуст? Разве тогда у тебя были *знания*? Нет, Ната, ты их эмпирическим путем наработала, то есть тыкаясь мордой то в одну проблему, то в другую!

И как легко ты забыла, что все твои трудности мы обсасывали вместе, а я для тебя еще и Мишу расспрашивала!.. А кто Мишу уговорил

дать тебе в долг стартовую сумму? Ты ее вернула, Ната, ты порядочный человек, я в этом никогда не сомневалась, но моего недоверчивого супруга было нелегко уломать, и гарантом твоей честности была я... Эх, подружка, а ты меня за debilку держишь!

...Так всегда бывает: чуть чего человек достигнет, все заслуги приписывает себе, забыв напроць своих благодетелей, — с горечью думала Вика, немного остыв. — Ну да ладно, Ната, не страшно. Мне твоя благодарность на фиг не нужна. И помощь тоже. Я найду сама, как подступиться к проблеме, найду, увидишь!»

Глава 4

Въезжая в свой квартал, Вика привычно проехала мимо мусорных баков, где тусовались бомжи. Они возлежали на травке и казались совершенно довольными жизнью.

Собственно, почему «казались»? Они и в самом деле чувствовали себя комфортно, полностью приспособившись к ситуации, которая со стороны кажется верхом отчаяния. Но они нашли способ не только выживать, но и радоваться! А их этому, между прочим, никто в школе не учил!

Вот так и она, Вика, станет постепенно вникать в незнакомый ей мир деловых отношений и цифр, постепенно все постигнет и однажды

начнет чувствовать себя в нем комфортно. Справилась же она с компьютером!

...Видимо, она слишком долго смотрела на них, чем привлекла к себе внимание. Леший окликнул ее:

— Тебя угостить, мамзель? — Он продемонстрировал надломленный батон белого хлеба.

Вика хотела было отвернуться и дать газу, но ей вдруг стало неловко: раз бомж, так что ж теперь, и поговорить нельзя по-человечески? Тем более что вроде как знакомый: ведь он подносил ее сумки... Она улыбнулась Лешему, крикнула в окошко «приятного аппетита!» и помахала рукой.

Еще через две минуты она въехала в охраняемые ворота новой многоэтажной башни а-ля Сталин, где находилась их супружеская квартира, бывшая теперь в ее единоличном распоряжении.

Разговор с подругой осел в ней тяжелым грузом, и ей захотелось принять ванну, смыть с себя неприятный осадок. Занятию этому Вика предалась немедленно и увлеченно, в надежде, что ее мысли примут некий конструктивный оборот.

Но ванна имеет свойство расслаблять, и, выпроставшись час спустя из душистой пены, ничего умного она не придумала и решила, что утро вечера мудренее. У нее есть пятьдесят один процент в бизнесе, и никуда ее фирма не денется до завтра.

...Назавтра мысли стали чуть яснее. По крайней мере настолько, что Вика сумела вычленить главную проблему: ею, по сути, являлось самое начало переговоров. В нем нужно задать правильный тон, а дальше все поедет как по маслу!

Но в этом «правильном тоне» и заключалась вся фишка... Он задается не голосом, а манерой держаться, внешностью и еще чем-то неуловимым, но очень важным! А Вика была фатально несолидной. Несерьезной. Легкомысленной. Если уж Ната с ней разговаривает, как с недоумком, то чего ждать от мужчин?!

Вика представила, как явится теперь одна-одинешенька к Брежневу с требованием ввести ее в курс дела... Для пушей верности художественного образа, открывшегося ее внутреннему взору, она прибегла к мнению зеркала. Но оно с суровой неподкупностью отразило лишь маленькую фигурку, светлые кудряшки да не обремененный заботами ясный взгляд серых глаз.

«Не пройдет», — с тоской подумала она.

Она сменила на всякий случай еще три разных костюма перед строгим жюри в лице зеркала. Подобрала легкомысленные волосенки в пучок. Придала глазам серьезно-глубокомысленное выражение и даже нацепила очки...

Бесполезно. Не стоит даже и мечтать. Идти туда одной ей категорически противопоказано.

Позвонить Мише? Он в Америке, да, но вдруг прилетит в Москву? Мало ли, дела какие... Он бы ее снова в фирму сопроводил, распорядился

бы, чтоб к супруге, хоть и бывшей, отнеслись уважительно...

Ее вдруг резануло слово «бывшей». Приходить как «бывшая» ей не хотелось!!!

А что, если как *новая*? В смысле, с новым мужем?

Идея была всем хороша — ну просто отличная идея! Загвоздка имелась только в *новом муже*. Его у Вики не завелось и, что характерно, заводить не хотелось. Вспомнив череду своих увлечений за последние месяцы, Вика отчетливо поняла, что достойного кандидата в мужья среди них даже не намечалось.

Нанять телохранителя, решила тогда она. Явиться в сопровождении плечистого бугая, чтоб у всех зубы свело только от вида его мышц!

Да, но что такое телохранитель? Центнер накачанного мяса, не более... И потом, где она его нанимать будет? В своей собственной фирме, что ли?!

Вот был бы у нее брат... Но брата не было, и не стоило тратить мысли понапрасну.

Вот был бы у нее любовник... Собственно, а почему бы не завести нового? Поумнее и посolidнее?

Но... Заводить целого любовника ради одного-двух первых походов в свою же фирму? Помилуйте, овчинка выделки не стоит! Дорогостоящая слишком выделка...

А если попросить, просто попросить кого-

нибудь: выручи, прикинься моим женихом? Или братом, на худой конец?..

Да, но кого? Друзей среди мужчин у нее не имелось, а кого-то из друзей Миши... Или бывших ее поклонников... Так это боком выйдет. Дорого выйдет! Потребуют что-нибудь взамен. Хорошо бы деньги — Вика бы согласилась! С деньгами всегда просто. Есть услуга, есть у нее цена, есть и деньги. Но в кругу якобы «друзей» деньги предлагать неприлично. Хотя это чистой воды лицемерие: с деньгами на самом деле счет простой и ясный, зато вот с «дружескими» услугами счет тебе выставят о-го-го!

Надо самой. Надо набраться уверенности, очаровательной наглости, самодовольной самодостаточности... Надо, Вика!

Так она сказала самой себе и готова была встретить завтрашний день во всеоружии.

Но завтрашний день беспощадно выявил ее трусость. Не защищенная мужем, в отсутствие опыта, Вика никак не находила ту опору, ту точку отсчета, в которой она могла бы взять верный, уверенный тон. В этом мире правят мачо, и она не была готова им достойно противостоять. Ей нужен тыл, ей нужен мужчина!!! Пусть за спиной, пусть только тенью — но чтобы он чувствовался!

Однако такого мужчины у нее катастрофически не имелось.

Глава 5

Поначалу это была смутная мысль. Не мысль даже, а так, ощущение. В те дни, когда ей пришлось ездить на метро, она, от нечего делать, заглянула в газету, которую читал ее сосед. Там была статья о том, что бомжей нередко нанимают для подставных директоров фиктивных фирм.

Вроде бы ничего, пустяк, не имеющий отношения к ее проблемам. Тем не менее мысль о том, что бомжа можно нанять для подставного лица, ей запала.

Проезжая снова мимо помойки, она еще раз всмотрелась в того бомжа, которого окрестила Лешим. Она пыталась представить, как бы выглядело его лицо, заросшее бородой до глаз, если б его побрить...

Конечно, в подсмотренной статье говорилось лишь о том, что бомж дает свои паспортные данные и расписывается на документах, но вовсе не ходит на встречи и переговоры. Так что Викина идея была совершенно пустой.

И все же в ней имелся один крепкий соблазн: бомж *за деньги* сделает любую услугу, да и много не попросит. И, главное, ничего сверх денег, никаких опасных «дружеских» счетов!

Оставалось только понять, годится ли он для такой услуги.

Вика проехала раз пять мимо мусорки. И каждый раз Леший провожал ее «лагуночку» непонятной улыбкой, вроде бы приветливой, хоть и, кажется, немного насмешливой.

Наконец она решилась.

— Эй! — поманила она его, приспустив стекло. — Леший!

Он удивился. Конечно, он же не знал, что Вика его так окрестила. Но все ж сообразил. Приблизился к машине. Наверное, решил, что снова надобно что-то поднести. Вика высунулась в окно:

— Слышь... У меня к тебе дело.

Леший кивнул и пошел в знакомом уже направлении: к ее подъезду. Вика опередила его на машине и теперь смотрела через заднее стекло на приближающуюся фигуру. А что, он довольно внушительный! Если его действительно помыть, побрить и одеть нормально, то... Не такая уж и бредовая идея!

Он подошел и встал по привычке позади машины, у багажника, думая, что Вика сейчас выйдет и его откроет. Но она бросила ему коротко: «Пошли!» — и указала на подъезд.

В квартире, однако, на нее напала робость. Идея снова показалась полным абсурдом, и она молчала, не зная, что сказать.

— Ты че хотела-то, мамзель? — проявил нетерпение Леший.

С трудом подбирая слова, Вика пустилась

объяснять. Объясняла она невразумительно, и Леший не выдержал:

— Мамзель, я человек простой... Мне бы понятней. Че те сделать нужно?

— Мне нужен мужчина... Который мог бы сойти за... Ну, к примеру, за моего брата...

— А у тебя шо, брата нет?

— Нет. Но мне нужно сделать вид, что я не одна. Не одинокая женщина. Что за мной кто-то есть.

— На тя чо, наехали?

— Да нет же!

Леший умолк — исчерпал запас своих гипотез и предоставил ей объясниться. Но на нее нашел полный ступор. Тут такие нюансы женской души, что самой-то толком непонятно, а еще бомжу доходчиво рассказать! Вика уже отчаянно жалела, что затеяла эту авантюру. Нет, только ее уязвленным после разговора с Натой самолюбием можно объяснить подобную идиотскую затею!!!

Бомж стоял перед ней в прихожей, изучая черными глазами ее страдальческое лицо.

— Ладно, мамзель, если дашь помыться и накормишь... Так я те сойду за кого хошь!

Вика молчала. Ей стало ужасно стыдно. Она позвала и обнадежила нищего... Теперь он рассчитывает, что дадут хоть поесть по-человечески... И прогнать неловко, и продолжать ни к чему...

Прогнать... А вдруг он не прогонится? Эти

бедные-несчастливые — они страшно наглые... Обворует ее, прекраснуюдушную кретинку, а потом смоемся!.. Подруга права: Вика безмозглая дура! И нечего на Нату обижаться, так оно и есть!

Бомж проявил некоторое беспокойство, выразившееся в перемиинании с ноги на ногу.

— Ты эта... мамзель, ты не бойся. Я не понял, че ты хошь, но я эта... В общем, ты мне дай помыться и пожрать... Мож, я тогда и смогу тебе... А если не смогу, тогда эта... как скажешь «уходи» — так я и уйду... Не бойсь.

Вика не знала, можно ли доверять его словам. Леший понял ее молчание по-своему.

— Ну, я тогда... Коли ты передумала, так я, эта... Ну, пойду, типа...

Вика довольно давно выработала одно правило в жизни: когда не знаешь, что сказать, — говори правду.

— Я еще не передумала. Но честно скажу: сомневаюсь. Идея мне казалась хорошей, а теперь кажется глупой...

— Так ты посомневайся, скока те надо, а я пойду... Позовешь, если занадоблюсь.

— Давай так, Леший, — решила Вика, — ты помойся и поешь. А я пока подумаю.

— Ну, смотри, мамзель. Ты тут хозяйка — как скажешь, так и будет.

— Я уже сказала. Проходи в комнату.

— Нет уж, давай сразу мыться пойду. Я грязный, а у тебя тут чистенько так... Только попачкаю тебе все. В душ. Тока полотенце дай.

...Лешему были выданы полотенце, расческа и халат, оставшийся от мужа. Одежку бомжа она брезгливо спустила в мусоропровод, подумав, что лучше потратиться на новую, чем стирать в своей машине эту гадость.

Пока он мылся, она приготовила ужин. Пожарила мясо, сварила лапшу, нарезала овощи. Он мылся час, не меньше. Наверное, соскучился по воде...

Ее по-прежнему томило некомфортное чувство совершенной глупости. Она гнала его от себя, но разум твердил о том, что она поступила опрометчиво, пригласив в свою квартиру бомжа. Человека, по определению, без всяких принципов.

Леший все еще наслаждался ванной, а Вика, уже закончив стряпню, присела на табурет и задумалась. «Что ты знаешь о бомжах, — строго спросила она себя, — чтобы считать, что это люди без всякой совести? Какой снобизм, Вика! — гневно осудила она себя. — А вдруг это просто человек с несчастной судьбой? Порядочный, приличный, но бедный?!»

Она рассмеялась своим мыслям. Идиотка. Тепличное растение, не знающее жизни. Которое судит о ней по глупым сериалам и книжкам. Бомж — порядочный и приличный? Разве приличный человек может оказаться на помойке?

«...Все дело в том, Вика, — строго сказала она себе, — что ты совершенно отвыкла принимать решения самостоятельно. За тебя их пятнадцать

лет принимал Миша. Он знал все, а ты ничего. И такое положение дел тебя устраивало. А теперь ты мечешься, и мысли твои скачут в совершенно противоположных направлениях. Но хочешь — не хочешь, а нынче тебе принимать решения самой. И, по сути, ты его уже приняла: вон оно, твое решение, фыркает в ванной! Так что, девушка, хватит переливать из пустого в порожнее! Дело теперь за малым: озвучить свою идею, хорошая она или плохая! Будущее покажет...»

Меж тем Леший выбрался из ванной. Его густая шевелюра и борода сверкали антрацитом от чистоты. Лицо было красным. Мужлан в дорогом темно-зеленом Мишином халате, поблекшем на фоне этих буйных красок. Отчего-то ей вспомнился Распутин — не к ночи будь помянут...

Леший встал на пороге кухни. Босой — Вика забыла о тапочках. Она спохватилась:

— Погоди!

— Да и так хорошо, — возразил Леший.

Однако она притащила шлепанцы и заставила его обуться. В квартире не холодно, но все же не дело ходить босиком! Не на пляже, чай...

Его глаза зажглись голодным блеском, когда он увидел накрытый стол. Вике снова стало его жалко. Она испытывала то сложное, одновременно сострадательное и брезгливое чувство, с которым кормят бездомных животных.

— Садись, — коротко сказала она.

...Леший ел руками. А чего она ожидала, интересно? Что он примется изысканно орудовать ножом с вилкой? Да еще и смену приборов и тарелок запросит?

Кроме того, он чавкал и шумно хрустел хрящами. Ха-ха-ха, идиотка ты, Вика...

Она вообще-то собиралась поесть вместе с ним, но, увидев этот смачный, первобытный процесс поглощения пищи, раздумала. Ей было неприятно.

Она достала из холодильника пару йогуртов и съела их стоя, наскоро, чтобы утолить чувство голода.

— А ты что ж не кушаешь, мамзель?

— Я на диете, — соврала Вика.

Наконец процесс поглощения пищи был закончен. Бомж вытер пальцы о халат.

— Салфетка, — сказала Вика, — возле тарелки.

— Вот эта? — Леший развернул большую нарядную бумажную салфетку.

— Да.

Он поднес ее к лицу и шумно высморкался. Вика пришла в отчаяние.

— Салфетка, — с трудом сдерживая отвращение, отчеканила она, — служит для того, чтобы вытирать рот и руки *во время* еды. А *после* еды их моют. Если же тебе надо высморкаться, то для этого существуют носовые платки. В частности, бумажные. Вот коробка.

Она ткнула ему под нос картонную коробку